

Душа моя

Хуторная Елена

16+

Елена Хуторная

Душа моя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51848662

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06910-7

Аннотация

Дело не в том, чтобы найти идеального человека и жить в идеальных условиях. А в том, чтобы в себе постоянно открывать и развивать способность любить, наполняться любовью и дарить ее другим. Молодая женщина встречает мужчину, вызывающего в ней бурю чувств. Но стоит ли поддаваться им? Ведь здравый смысл говорит, что для благополучной жизни нужен совсем другой человек. Так выбрать благополучную жизнь или рискнуть и довериться своим чувствам, интуиции, любви?.. И это чуть мистическая история о том, как мы, вкладывая энергию в вещи, приручаем их, наделяем душой.

Я остановилась на выезде из двора и снова посмотрела на старый дом. Точнее, не дом – когда-то это был строительный техникум. Большое здание, теперь полуразрушенное, сквозь проемы окон просвечивало сумеречное октябрьское небо. Парадная дверь наглухо заложена кирпичной кладкой, крыльцо обступил высохший бурьян. Двор зарос густым кустарником, сквозь который дом выглядел еще более заброшенным, отстраненным... от жизни. И это странно, ведь он определенно был живым.

Было слышно, как он дышит. Чувствовалось тепло в его стенах. По пустым помещениям бродила ветром его душа. Душа у дома?..

Не знаю, почему он так меня привлекал, ведь меня определенно нельзя назвать любительницей старины. Мне всегда нравились новые квартиры, новые гостиницы, новые торговые центры. Я даже по музеям ходить не люблю, потому что в них ощущается ветхость времен, они и все их содержимое настолько обременены своей многолетней историей, что начинаешь тяготиться, едва только с ней соприкоснувшись. Вещи, дома, предметы должны быть легкими, молодыми, они должны быть готовы вместе с тобой творить новую историю.

Но в старом доме, хотя он и был полуразрушен, чувствовалась жизнь. Он жил и дышал, сгусток нерастраченной энергии, и, глядя на него, словно хотелось спросить о чем-то, или сказать о чем-то, или сделать что-то, или, казалось, сам дом должен как-то проявиться, не только своим молча-

ливым дыханием. Может, я чувствовала в нем родственную душу? И непонятно было, то ли эта душа удержится в развалинах, которые ее окружают, то ли отлетит, изойдет наконец, потому что не за что ей больше держаться...

Я всегда так скучала по Паше. Не верила, что так бывает, но мы расставались с ним на пару часов, и я уже думала о том, как мы снова встретимся. Было странно теперь жить без этого ощущения, пусто. Когда-то казалось, что, может, так будет легче, но теперь я не чувствовала ни облегчения, ни радости.

И девочка моя, еще неназванная, только родившаяся, былиночка моя... иссякли вдруг все силы, даже на переживания о ней их уже не осталось. Она осталась где-то там, вдалеке, словно даже нереальное что-то, а только приснившееся, никакого волнения не вызывающее...

Сзади кто-то коротко посигналил и мигнул дальним светом. Я поспешила завести мотор и выехала на дорогу, освобождая выезд со двора. Переехала проезжую часть, припарковалась рядом с домом и вышла из машины.

Сначала постояла у дерева, и на дом уже особо больше не смотрела и не думала о нем. Как будто так близко рядом с ним это и не нужно уже было, словно я объединилась с его собственным бездумьем. Присела на корточки, опустила голову на сложенные руки, зарылась лицом в темноту. Мягкий теплый ветер трепал волосы, ворошил высохшую опавшую листву. Мир вокруг наполнился шуршанием и шорохами. Где

ты, душа моя? Как получилось, что ты покинула меня? Или, может, это я отпустила тебя, позволила заполнить себя пустотой?

Раздался стук, словно упало что-то разрушившись. Я подняла голову, посмотрела на дом. Взгляд упал на темный провал окна, к которому я присматривалась в прошлый раз. Снова прикрыла глаза и еще послушала перешептывание ветра в сухих листьях, подставляя лицо его мягким прикосновениям. А потом встала и пошла к дому. Совершенно не думая о том, что я еще не вполне оправилась после недавних родов, легко забралась на приступочку, подтянулась, села на подоконник и через секунду очутилась в темноте полуразрушенного дома.

Я буду губы твои целовать, самые красивые в мире губы. Буду делать это тысячами разных способов – оказалось, так по-разному можно целовать... до бесконечности. Когда тебе что-то по-настоящему нравится, это никогда не надоедает...

Иве было тридцать два года, когда она встретила Пашу и вдруг обнаружила, что бывают такие люди, в которых может нравиться абсолютно все. Строишь – и любишь. Касаешься – и млеешь. Изнываешь от страсти, теряешь голову, занимаясь любовью. Хотя, конечно, Иве не только это в Паше нравилось – при всей его привлекательности у них ничего не было бы, если бы не ощущение душевной близости, кото-

рое возникло с первого дня их знакомства.

Ива тогда искала что-то, сама не знала что. Ей казалось, она занятие себе искала. С Альбертом они развелись пару месяцев назад, и надо было решать вопрос с работой.

В тату-салон, где тогда работал Паша, зашла просто так – понравился узор на вывеске с названием салона, вот и зашла, просто интересно стало. Застала Пашу за работой – он набивал девушке узор на плече. Хотела тут же выйти, вроде неловко отвлекать людей, но Паша ее остановил, сказал, что она нисколько не помешает.

Они так хорошо провели время тогда – она, Паша и девушка, которой он делал татуировку. Иве понравилось, как ласково, заботливо, трогательно даже он обращался с девушкой, с каким вниманием он отнесся к самой Иве. Болтали о чем-то, Паша предложил посмотреть Иве рисунки, она восхитилась его талантом, когда оказалось, что большую их часть он нарисовал сам.

– Хочешь, и тебе нарисую, – предложил он.

Так они выяснили, что Ива и не собиралась делать себе тату и что она сама рисует.

– Что рисуешь? – заинтересовался Паша.

Ива набросала на листе узор, увиденный на вывеске салона, но чуть переиначила его на свой лад. Всего пара штрихов, но смотрелось уже совсем по-другому – абстрактный символ вдруг превратился то ли в змею, то ли в огненный обруч. Было видно, что на Пашу это произвело впечатление.

– Этот узор, кстати, тоже я рисовал, – заметил он.

Девушка с интересом смотрела на Иву.

Потом втроем пили чай.

Ива с сожалением уходила из салона – так хорошо провели время, но было понятно, что такое вряд ли повторится. Не оставила Паше телефон – зачем? Знакомиться она ни с кем не собиралась, новые отношения было последнее, что было ей нужно было тогда. Да и Паша точно был не тем парнем, который мог бы стать для нее кем-то. Совсем не ее человек – и по роду деятельности, и по образу жизни, чуть ниже ее, чуть моложе, тонкокостный и мускулистый, упругий как пружина, в то время как ей, плавной и круглолицей, нужен был кто-то гораздо более основательный.

Было видно, что и Паша с сожалением отпускает ее, но она знала, что не о чем тут жалеть, ничего у них не могло быть, да и не нужно это было.

Когда прощались, он обнял девушку, которой делал татуировку, ну и Иву обнял тоже, вроде как это уместным показалось в той ситуации.

Ива вернулась домой, и вдруг поняла, что буквально места себе не находит. В памяти всплыли все воспоминания о Пашиных прикосновениях – как он нечаянно касался ее, когда передавал альбом с рисунками, когда они пили чай, сидя на одном диванчике, и особенно, когда он обнял ее на прощание. Она ожидала, что это объятие будет вполне символическим, но на деле получилось таким сильным, властным

даже. Паша уверенно привлек ее к себе, прижал – всего на несколько мгновений, но этого хватило, чтобы ощутить его сильные горячие руки и все его жесткое, пружинистое тело. И от этих воспоминаний то накатывала плавная мечтательность, то что-то жаркое, неистовое, наизнанку выворачивающее всю душу и тело. Может, я все себе придумала, спрашивала Ива себя, может, это только сейчас кажется каким-то особенным? Почему она не заметила этого, когда была в тату-салоне? Хотя почему не заметила – в те моменты это тоже было волнующим, просто думалось, что это ничего не значит...

Она кое-как пережила следующий день, уговаривая себя, что это просто минутное наваждение, которое пройдет так же быстро, как возникло. Но оно не прошло, и она снова отправилась в тату-салон. Чувствовала себя просто какой-то ненормальной маньячкой, но когда зашла и увидела, как Паша посмотрел на нее, поняла, что если она и маньячка, то точно не одна такая.

Паша светился, горел, таял. Какой он был ласковый и страстный одновременно, какой восторженный. Говорил, что не мог себе простить, что отпустил ее, просто места себе не находил эти дни. У него был выходной, но он рвался на работу – а вдруг она все же зашла бы? Однако уже обещал поработать как мастер боди-арта, расписать пару манекенщиц к какой-то презентации, и потому все наказывал напарнице, что если придет такая-то девушка, красивая, с боль-

шими карими глазами, и уголки глаз чуть опущены, полные губы, светло-каштановые волосы, то обязательно, обязательно пусть позвонит ему или свой номер оставит.

– Ты все поняла? – переспрашивал он. – Не забудь, только не забудь!

За день он позвонил напарнице раз восемь или десять, пока Вероника не послала его прямо и недвусмысленно. И все равно он еще три раза перезванивал ей после этого.

– Я не знаю, что бы я делал, если бы ты не пришла, – сказал Паша, и у него был такой вид, что Ива сочувствовала ему даже сейчас, когда они уже были вместе.

Они сидели на маленьком диванчике, целовались до одури, трогали друг друга везде, куда могли добраться, – под одеждой, через одежду. Вспархивали, если кто-то заходил в салон, счастливо и ошалело улыбались друг другу и посетителям, пока Паша, пытаясь хоть немного сосредоточиться, отвечал на задаваемые ему вопросы, показывал рисунки. Ждали, пока все уйдут, ждали вечера.

Паша закрыл салон в положенное время, и после этого они оставались там почти всю ночь. Как только не отдались друг другу тогда же, было непонятно, хотя с другой стороны, не так уж непонятно – оба, кажется, чувствовали, что это точно должно случиться не так, не на ходу, не абы как, и даже не из-за каких-то романтических или идеалистических соображений. Просто хотелось прочувствовать друг друга в полной мере, до самой глубины, до самых мельчайших оттенков, и

чтобы никакая случайная мелочь не помешала, не испортила того, что должно было случиться между ними.

Около трех уснули на маленьком диване. Не то чтобы спали, но забывались на мгновения, потом просыпались, обнимались, целовались, снова впадали в мучительную и одновременно такую сладкую дремоту...

Утром Паша проводил Иву – она уходила домой, он оставался работать.

– Как ты будешь тут? – изумлялась она. – Ведь почти всю ночь не спали!

– Да нормально, – убеждал он, глядя на нее сладко-сумасшедшими глазами. – Сейчас наварю себе кофе, и вперед. Я нередко работаю по ночам, привычный к этому. Люблю, когда никто не мешает, темно, тихо. Не переживай за меня, я в норме.

Дома Ива выспалась, приготовила поесть, пыталась придумать себе еще какое-нибудь занятие, но не придумала и снова пришла в тату-салон.

Паша пил кофе, курил, работал. Улыбался ей, целовал при каждом удобном случае, скользил горячими руками под короткую юбку. Это было такое небывалое, такое великолепное, восторженное и радостное безумие.

Вечером, когда Паша закончил работу, они отправились к ней. Он поел и уснул, пока они смотрели вместе выбранный фильм. Ива лежала рядом, слушала его дыхание и думала, что даже просто вот так быть с ним уже счастье. Просто ле-

жать и слушать, как он дышит. Чувствовать его горячее тепло, тяжесть его руки, жесткость его мускулистого поджарого тела.

Кажется, она тоже задремала, но в какой-то момент они вдруг очнулись, встрепенулись, словно вспомнили, для чего очутились вместе, потянулись друг к другу, сплелись, вжались, овладели друг другом...

Ива потом вспоминала, надо же, как странно, даже когда они спали в первый раз в тату-салоне, она все еще думала, что это несерьезно, может, на один раз, на два, что не стоит ей вовлекаться в это, да и не получится, потому что это совершенно не то, что ей нужно, и Паша ей не походит, и она ему. Вообще надо искать работу, способ содержать себя, зарабатывать деньги, а не затевать новые отношения в то время, как она еще толком от прошлых не отошла.

Оказывается, отошла. И после их первой ночи, проведенной у нее дома, стало вдруг ясно, что она совершенно не желает отказываться от того, что началось у них с Пашей.

Еще несколько ночей они пытались делать вид, что вовсе не настолько сходят друг по другу с ума, как им кажется, и Паша уезжал ночевать на съемную квартиру, которую делил с другом. Но проворочавшись несколько ночей без сна в одиночестве, Ива решила, что нет никаких причин, чтобы и дальше продолжать так издеваться над собой. И Паша стал оставаться у нее, пока и вовсе не оказалось, что он просто у нее живет.

Все было в удовольствие – готовить вместе, есть, спать, смотреть фильмы и передачи, говорить, рисовать, смеяться, молчать, заниматься сексом... О да, заниматься сексом.

Иве нравилось, как Паша умел получать от этого удовольствие. Оказалось, что ожидание близости может вызывать не меньше ощущений, чем сама близость. Необязательно набрасываться друг на друга в первые десять минут встречи и заканчивать все в следующие десять минут. Можно растягивать процесс, как и само ожидание, дразнить себя и друг друга и заниматься сексом как танцевать – всю ночь, пока есть силы. Останавливаться, делать перерывы на кино, еду, напитки, ласки и нежности и снова зажигать друг друга и выкладываться без остатка в танце, который имел только условные начало и конец, а фактически практически ни на секунду не прекращался и продолжался все время – взглядами, прикосновениями, проникновениями, сообщениями на телефон, в приложения, соцсети, просто в мыслях, в конце концов. Никогда раньше Ива не говорила так много о сексе, не думала, не писала о нем, никогда раньше не получала от него такого удовольствия.

Вообще у них с Пашей все было так хорошо, так идеально даже, он так восхищался ею, так красиво и бесконечно говорил о своих чувствах, такие письма и записки ей писал, Ива даже теряться иногда стала, что ему отвечать, потому что все признания были помногу раз сказаны, написаны, тысячу разных способов сочинены, но поток этот был, кажет-

ся, неиссякаем. И в какой-то момент у Ивы мелькнула вдруг предательская, быстрая, но искренне пронзившая ее мысль, что их отношения с Пашей стали уж слишком карамельными – до приторности, до скуки. Ива представила, как они и дальше будут обмениваться смайликами с сердечками и засыпать друг друга уменьшительно-ласкательными именами, напоминая при этом двух чудаков, повернутых на розово-идеальной романтике, и поняла, что не чувствует ничего, кроме разочарования.

Конечно, жизнь, чутко улавливающая наши настроения, тут же отреагировала на это. Если кто-то заскучал, значит, настала пора для новых впечатлений, причем таких, которые ясно дадут понять, что стоило бы больше ценить свои идеальные отношения.

Паша с самого начала их знакомства вроде бы закономерно и так трогательно интересовался всегда где она, чем занимается, с кем встречается. Но в тот же день, когда Ива подумала, что все стало слишком привычно и предсказуемо, он первый раз бросил трубку, не дав договорить, едва она сказала, что встретила одноклассника и они зашли выпить кофе. И Пашина трогательная забота вдруг обернулась болезненной подозрительностью и сомнениями в том, что Ива честна с ним.

Такая дикость – как ведро холодной воды на голову. Просто одноклассник, просто поболтали, Ива только для того еще решила посидеть с ним, чтобы быстрее пролетело время

до встречи с Пашей. А Паша вдруг разозлился, начал обвинять Иву в легкомысленности, легкодоступности даже, а потом даже слушать ее не захотел. Она стала перезванивать, он трубку не брал.

Свою встречу Ива быстро свернула, попрощалась поспешно с Лешкой, который всегда только другом ей был. Она ему, может, и нравилась, но это же не значит, что она должна была позволить ему то, о чем он мечтал! И сразу все спокойствие, всю скуку как рукой сняло – и как только она могла подумать, что их такое гармоничное единение может быть скучным? Снова столько любви, нежности было в душе, никуда они не делись, не приелись, не наскучили, но вместе с этим такое мучительное недоумение – ну как вообще Паша мог подумать, что ее может привлечь, заинтересовать кто-то еще, в то время как в первый раз в жизни она настолько уверена была, что ей, кроме него, никто не нужен?!..

Ни Савве, ни Альберту она не позволила бы вмешиваться в ее отношения с кем бы то ни было, это было ее абсолютное право – решать, с кем ей общаться, а с кем нет. И молодые люди в ее круге общения были всегда, она даже представить себе не могла, что ее мужчина, пусть даже муж, вдруг стал бы запрещать ей дружить с кем-то, да даже не запрещать, а только высказать недовольство ее общением с кем-либо.

А вот ради Паши ей легко было отказаться от всех них. Вдруг оказалось, что когда есть Паша, то просто и не нужен никто другой. Более того, все остальные только потому

и были, что ей всегда чего-то не хватало в отношениях с ее мужчинами. Просто когда-то она смирилась с мыслью, что все это придется добирать в общении с другими парнями, и именно потому так стояла на том, чтобы сохранить за собой право на это общение. Ведь она и не смогла бы оставаться ни с Саввой, ни с Альбертом, если бы не получала знаки внимания от других мужчин. Но Паша вызывал в ней такое чувство любви, такое желание, что ни для кого другого в душе просто не оставалось места. Да и потребности не было в других – зачем они, если у тебя уже все есть?

Конечно, были такие друзья, которых она готова была отстаивать даже перед Пашей, тот же Лешка, друг детства, можно сказать. Но она легко перестала общаться с Ильей, который был просто знакомым, работал в кофейне. Однажды она пришла туда в довольно поздний час, была одна в зале, и они разговорились. Она видела, конечно, что нравится ему, но что с того? Сама она никогда бы ему не писала, она вообще не могла бы сказать, что он нравится ей, хороший парень, но ничего в нем не цепляло. Но он слал ей безобидные смски, и ей несложно было ответить.

– Может, ты и переспала бы с ним из-за своей доброты? – язвительно поинтересовался Паша, когда узнал о нем.

Раньше Ива в таком высказывании увидела бы только повод для возмущения, а теперь вдруг поняла, что действительно не знает, зачем продолжает общаться с Ильей, который даже не особо ей нравится. И она перестала ему писать

и только облегчение от этого почувствовала.

Никогда никому не звонила первой – это мужчины должны были ее добиваться, а не она их. А с Пашей вдруг обнаружила, что это такая глупость. Хотя, может, именно благодаря Паше было так легко делать первый шаг, потому что он так умел откликаться в ответ на проявленную любовь и понимание, на любую ничтожную их крупицу – за это все можно было ему простить.

Вот злилась Ива, возмущалась, не могла, не хотела понять Пашины выходки, как он вообще может такое говорить, так думать. Это он все затеял – ему и разбираться! Но вот так посидишь в своей обиде пять, десять минут и понимаешь – сам он не придет мириться, а начнешь его в чем-то обвинять, он только еще больше укрепитя в своем негативе, погрузится еще больше в свою злость и неприятие, как будто найдет в твоём отвержении подтверждение своим подозрениям. И в ответ на твою реакцию, отчуждение только еще больше будет отдаляться от тебя, вплоть до полного разрыва. И что делать? Продолжать дальше тянуть в свою сторону, настаивая на своей правоте?

Однако если хочешь ослабить конфликт, напротив, надо перестать тянуть. А чтобы перестать тянуть, нужно самой внутри расслабиться, отпустить свою собственную ярость и возмущение. Ну да, вот такой он. Вздорный, нервный, подозрительный. Но что толку доказывать ему, что он такой? Надо самой в своей мудрости понять и принять это. Не хочешь

с ним с таким быть? Хочу. Все равно хочу. Тогда перестань злиться. Пусть в душе снова будет любовь. Люби его и таким тоже – ведь именно таким это чувство и должно быть, так?

Да, только с Пашей Ива поняла, что любовь – это не когда два человека идеальны друг для друга и потому не вызывают друг в друге неприятных чувств. Любовь – это когда ты любишь человека вместе со всем хорошим и со всем плохим, что есть в нем. Смеешься и любишь, злишься и все равно любишь.

Иве нравилось, как от таких мыслей светлело на душе. Как та становилась мягче, податливее. Так хорошо было не бороться, не сопротивляться, не доказывать что-то, а просто раскрываться, любить, и от этого столько тепла внутри... Не этому ее учила мама и книги, но теперь это казалось самым правильным, потому что ей самой было от этого так хорошо.

Впервые были понятны слова – любви так много, ее не надо жалеть. Ее не надо бояться показывать. Когда не жалеешь, когда даришь без счета, искренне, ее в жизни становится только больше, и сама жизнь становится счастливее. С Альбертом у них были коммерческие отношения, и Ива никогда не чувствовала, не понимала этой закономерности касательно любви. Но от этого на душе было гадко и неудобно. Но как с ним можно было по-другому? Нельзя было дать себя обыграть.

А с Пашей терять было нечего и чувства были совсем другие, поэтому можно было попробовать сделать так, как муд-

рецы наставляють – быть бессчетом щедрой. И вдруг это сработало. Ива перестала злиться, успокоилась и сказала про себя – я все равно люблю тебя, Паша, радость моя, душа моя, сладость моих ночей. Вот ты там психуешь, плюешься ядом, я знаю, что тебе плохо, но это ведь не из-за меня – потому что я просто люблю тебя. Так люблю, как ты даже и не представишь себе никогда, и, даже несмотря на твое недоверие, все равно буду любить. Я чиста, открыта пред тобой, и я с тобой, любовь моя, я с тобой.

Ива уже была дома, готовила ужин – жарила картошку, делала салат из помидоров и зелени. Иногда покальывало сомнение – а не зря ли делаю, вдруг Паша не придет? Останусь тут с этим салатом и картошкой, от которых будет еще тоскливее... Но не позволяла себе углубляться в эти мысли. Как говорится, делай что должно и будь что будет.

Почти закончила уже, осталось заправить салат. Отошла к окну... (И что теперь? – тут же взметнулась тревожная мысль. Чем дальше себя занимать в пустой квартире? Как дальше продолжать делать вид, что все кончится хорошо???) Главное, не давать себе впадать в панику, держись и дальше своего спокойствия и доверия к жизни. Может, порисовать? Взгляд упал на ручку и блокнот. Ива было сделала движение в их направлении, но тут раздался звонок в дверь.

Сердце подскочило к горлу, но она постаралась унять свое волнение и пошла открывать. Паша глянул на нее искоса, разулся, прошел.

– Готовила что-нибудь?

Голос почти извиняющийся.

– И что это за друг вообще, а? – тут же взвился. – Дружок бывший?

Ива посмотрела на него прямо, с нежностью.

– Паша, он мне просто друг, мы росли, учились вместе.

– Друг-друг, – пробубнил Паша, проходя мимо нее в ванную, чтобы помыть руки. – Знаю я этих друзей...

А потом они вместе ужинали. И Ива опять же не стала сдерживать свои порывы, сама обняла его, поцеловала. И видела, как Паша оттаял уже, расслабился. Поверил ей. Вот и убедилась, что действительно не стоит бояться любить, открываться, желать всего хорошего. И такая чудная, страстная ночь была. Лучшее признание в любви, когда это действительно любовь.

У меня никогда не было такой, как Ива, и все равно я делаю ей больно. Может, потому и делаю. Мщу за то, что привязан к ней слишком сильно, за то, что не могу потерять ее, просто уйти и никогда больше не вспомнить. Ведь раньше чаще всего бывало именно так.

Ох уж эти женщины – такие предсказуемые. Такие милые, соблазнительные, но лишь заглянешь поглубже – а иногда и заглядывать не приходится, – а там все то же, одни и те же мечты, одни и те же игры и цели.

Лелька говорит, что я просто заглядываю не в тех, потому

что рад думать, что я такой крутой искушенный мачо и что ни одна женщина не способна произвести на меня слишком большое впечатление. Ну, может, она и права, потому что во всех моих бывших точно не было того, что есть в Лельке, – ума и мудрости. Но при этом именно с ней я бы и не смог быть никогда. О, если есть существо более асексуальное, то это Лелька. Признаться, в глубине души я жалею ее – кто на нее такую позарится? Неудивительно, что у нее никогда не было серьезных отношений. Но вот то, как она умеет увидеть суть, в этом, безусловно, надо отдать ей должное – что есть, то есть. Не встречал человека более пронизательного, и это даже бесит иногда.

Так вот Ива это сочетание привлекательности и мудрости. Такое редкое, гармоничное сочетание, что в это с трудом верится. С таким трудом, что так и подмывает сказать что-нибудь пообиднее, чтобы задело до глубины души и наконец вскрылось то, что внутри на самом деле, под этим напускным пониманием и всепрощением.

Одновременно боюсь, что это случится, но и хочу этого, словно для того чтобы доказать себе, что не заблуждался относительно себя и всех женщин всю свою жизнь. Пусть бы она не сдержалась, наорала на меня как все, тоже начала оскорблять, благо поводов для этого долго искать не пришлось бы. Потом обиделась бы на меня и всем своим видом демонстрировала бы мне оскорбленную невинность. И снова все стало бы как обычно, меня больше не держало бы ниче-

го. Ну, может, случился бы секс на прощание – он обычно неплохим бывает, почти как в первый раз. А потом она звонила бы, говорила бы что-то, пыталась бы надавить на жалость, пробудить ревность, наконец стала бы просто поносить меня...

Но нет, с ней все не так. Она словно застывает на мгновение. Не физически – она не замирает, не встает как вкопанная, нет, продолжает делать то, что делала. Но внутри ее словно холодом сковывает, и особенно это по глазам видно – заглянешь в них, а они как остывшие звезды.

Боже, это хуже любых упреков, ненавижу себя за то, что вынуждаю ее быть такой. Упасть бы на колени у ее ног и вымаливать прощение, клясть себя последними словами, обещать не быть впредь такой скотиной...

Конечно, я ничего такого не делаю. А от злости на себя и неспособности признаться в этом, наоборот, говорю еще какую-нибудь гадость. Видели такого осла???

Она замолкает, продолжая делать свои дела, – рисовать, мыть посуду, заваривать чай. Не светится больше в мою сторону, не улыбается, отводит взгляд. Ну и пусть, думаю я, обижайся себе. Ни за что первый к тебе не подойду, еще не хватало, чтобы мной вертела какая-то девица. Только через какое-то время она словно снова отогревается, наполняется нежностью и сама подходит ко мне. Молча или говорит что-то незначительное. И я уже снова готов целовать следы ее ног, но конечно, не делаю этого, а щекочу или ку-

саю, и она смеется – искренне, не пытаясь скрывать удовольствия... Что с этим делать? Как можно оставить это в своей жизни и быть уверенным, что это никогда не кончится?

Лелька говорит, что не надо ничего бояться, надо просто изменить представление о жизни, поверить в то, что и такая любовь бывает. И никуда она от меня не денется. Но ей-то откуда знать? С ее-то опытом в подобных делах... Не слишком-то полагаюсь на ее мнение в этом вопросе, но и сам не могу определиться с ответом на него. Как и не могу отказаться от Ивы, хотя каждый момент боюсь, что она может отказаться от меня.

Раньше Ива не простила бы такого мужчине – беспричинной ревности, вздорности, необходимости снова и снова уверять в силе и искренности своих чувств. Мужчинам непростительны были слабости. А уж как мама была категорична в этом вопросе!..

Чуть становились заметны подобные проявления в ком-то, сразу начинали приклеиваться ярлыки: не уверен в себе, несостоятелен, недолюблен в детстве, а значит, и сам не умеет любить, значит, на такого нельзя положиться... И это всегда звучало как приговор, не подлежащий обжалованию, не стоящий даже обсуждений.

Ива готовила спагетти в их просторной кухне, Паша сидел у окна и читал что-то в телефоне. Улыбался. Набирал что-то в ответ. Ива знала, что он мог общаться как с кем-то

из своих друзей, так и с любой из своих подружек, коих у него была масса в силу особенностей работы и общительно-го характера. И переписывался наверняка не просто так, а с шутками-прибаутками, флиртуя, заигрывая. Конечно, часто первым желанием, глядя на это, было вскинуться, мол, как это, что это, повозмущаться, ведь так нельзя, что за безобразие, не сиди при мне в телефоне, не улыбайся никому... Но тут же приходило и понимание, что не стоит закатывать из-за этого истерик, потому что единственное, чего так можно добиться, это настроить его против себя.

Да и стоит ли это истерик? Ива знала, что Паша ее любит, видела это. Его любовь была во всем – в его словах, поступках, действиях, даже в том, как он защищался от нее. И чего еще было требовать? Чтобы он забыл про весь остальной мир?

Вот от Саввы и Альберта она ждала именно этого, не потерпела бы, если бы они стали проявлять интерес к кому-то еще. Но проблема ли это ее мужчин? Это ведь она чувствовала неуверенность, и потому ей так нужно было, чтобы поведение ее мужчин не тревожило ее покоя, иначе она просто не смогла бы с ними быть.

И только с Пашей она поняла, что причина ее волнения только в ней самой. Будешь верить в себя, в любимого человека, в ваши отношения, и не из-за чего будет волноваться. Никто не сможет помешать вам любить друг друга. Да, будет кто-то с улыбками, шутками, соблазнительными губами или

ногами, но никто не приблизится слишком близко, все будут отсекается, отбраковываться, потому что в жизни будет что-то гораздо более ценное, настоящее.

Если же нет уверенности и ты постоянно сомневаешься, выдержишь ли ты ваши отношения, то действительно, скорее всего, не выдержишь.

А вообще когда вдруг начинаешь слишком заикливаться на том, чем занят кто-то другой, значит, самое время вспомнить о самом себе.

Ива оставила тушиться овощи для соуса и прошла к своему столу в комнате. Посмотрела на начатый накануне рисунок. Подумала, как его продолжить, взяла ручку, набросала несколько пробных элементов в черновике. Сама не заметила, как увлеклась, наконец спохватилась – соус!

Поспешила на кухню, но остановилась на пороге, увидев Пашу. Он, видимо, заметил, что овощи стали пригорать, сам встал к плите. Помешивая, добавлял на сковородку муку, сметану, специи, при этом не забывая заглядывать в телефон. Уже не улыбался и был так умирительно сосредоточен, так соблазнителен в своем творческом кулинарном порыве.

Ива прыснула, и наконец, Паша заметил ее. Передразнил кого-то из мультяшных героев, посетовав, что приходится тут, понимаешь, трудиться за некоторых сбежавших от помидор и морковок.

– А мы что? – изобразил он тонкие голоса морковок. – Мы ничего! Мы в соус хотим! Мы были выращены для того,

чтобы попасть в суп, и хотим выполнить свою миссию! В суп нас, в суп!

О, Ива так смеялась всегда над его представлениями! Где-то прочитала, что для крепкого союза паре важно иметь общие гастрономические вкусы, схожие ценности и интересы, подходить друг другу в сексе. И юмор она тоже сюда отнесла бы, ведь что за жизнь, если в ней нет смеха!

За это умение смешить она точно готова была прощать Паше его готовность веселить не только ее.

Прощать... Столько всего нужно было прощать! Конечно, Паше не доставало признания только от Ивы – ему хотелось получать его от многих, чтобы разные симпатичные девчонки говорили ему, какой он смешной, красивый, остроумный. Чтобы хотели его, соблазняли, зазывали. И понятно, что это тоже все было от неуверенности, неудовлетворенности, нереализованности. Недолюбленности!

Но кто из нас вообще долюблен? Кто никогда не сомневается в себе и других? Кто ни разу в жизни не проявил своей слабости, не сделал из-за нее больно близким непреднамеренно или вполне осознанно? Конечно, речь не идет о коверкающих жизнь крайностях, но в остальном-то? Даже Альберт в итоге оказался способен на это, так что вся его внешняя невозмутимость и уверенность была скомпрометирована такими же страхами и сомнениями, как и у обычных смертных. Ведь дело зачастую не в том, что кто-то больше в себе уверен, а лишь в том, что он лучше скрывает свою

неуверенность.

Да и у самих женщин неужели так уж все гладко с этим, чтобы требовать от мужчин безусловной состоятельности? Так что зря мама так категорична всегда была насчет недолюбленности. Это не приговор. Просто еще одна вещь, которой надо уделить внимание. И уж кто, как не они с Пашей, могут восполнить друг другу этот недостаток любви. Может, потому и встретились.

Не могу я не ревновать Иву – нет, не к этим, что пишут ей. Просто иногда не понимаю ее. О женщины, так смешно бывает наблюдать за их ужимками, играми, как они пытаются развести тебя на ревность, заставляя сходить из-за них с ума. Так легко ставить их на место, никогда не скрываю, насколько мне все равно, когда они пытаются мною манипулировать. Хочешь выделываться, набивать себе цену? Давай, только меня не втягивай в это. Я эту цену знаю – она такая же, как у всех, так что не надо пытаться передо мной казаться какой-то особенной. Именно потому, что они стараются делать это, сразу становится ясно, что они ничем не отличаются от других.

Все что-то мутят – не одно, так другое. Изменяют или хотят изменять – с бывшими, со знакомыми, с одноклассниками, коллегами, с друзьями детства. Замужние девушки переписываются с незнакомыми мужиками, флиртуют в соцсетях, на форумах... Зачем? Зачем выходить замуж, жить вме-

сте, чтобы потом морочить голову себе и другим, обманывать, юлить?

Иве, кажется, все это неинтересно, и именно поэтому непонятно и так раздражает. Лелька говорит, что я непоследовательный. Мол, встретив Иву, я должен был воскликнуть: наконец-то я нашел ее, правильную, идеальную, честную и искреннюю девушку, ту, что всегда хотел найти! А я не воскликнул, а начал искать, в чем подвох. Да мне все равно, последовательный я или нет, но мне и правда кажется это подозрительным. Как бы ни хотелось верить в лучшее, но вся жизнь служит доказательством того, что никому доверять нельзя, и я даже не вижу поводов, чтобы пытаться убедить себя в обратном.

Ива ни с кем не переписывается, никому не звонит, и ей никто не звонит, не считая, может, этого недоумка Ильи, но, может, это и кажется мне странным. Она не ставит пароль на телефон, не ходит с ним в ванную, не включает воду, чтобы заглушить свои разговоры. Но у нее иногда становится такое выражение лица... Отсутствующее? Кажется, это слово. О чем она думает в такие моменты? О ком? Отложит ручку, забудет про рисунок, которым занималась, и смотрит в окно, смотрит, думает о чем-то... Лелька смеется надо мной, говорит, что я потому не понимаю Иву, что сам никогда ни о чем не думаю. Да ну ее. Лишь бы поумничать...

Я знаю, что у нее ничего не было с этим Ильей – ну, скорее всего, не было... Илюша, отгаскай меня за уши... Как

и с Альбертом, ее бывшим мужем, после того как они расстались. Альберт, съешь свой мольберт. И с Савелием, ее самым первым. В рот компот, ну что за имена! Савва, глючная отрава. И где она только находит таких?! И все-таки когда они дают о себе знать, не могу сдержаться, психую. За что, ну за что она меня любит???

Никогда не думала, что человеку можно прощать так много. Что любовь, влечение может быть таким сильным, что будет служить исключительно замечательной мотивацией, чтобы посмотреть на все не так категорично, как раньше. Вот ты сталкиваешься с чем-то возмутительным, неприемлемым по своим обычным меркам, но смотришь на это теперь и понимаешь – да не так уж это и важно на самом деле. Так что вот рецепт отношений, приносящих радость и удовлетворение, – не какое-то вымученное уважение, попытки заставить себя ценить то, что не приносит никакого удовольствия. Просто будь с тем, кто по-настоящему радуется тебе, а не с тем, кто понравился бы твоей маме. Просто люби. Открыто, искренне, по-настоящему. И тогда все лишнее, не имеющее истинного значения само собой отвалится.

Однако другой большой вопрос в умении так любить.

Когда нас воспитывали, всегда внушали мысль, что девушка должна быть гордой, разборчивой, недоступной. Привязанность свою показывать нельзя – иначе воспользуются. Быть слишком восторженной не стоит – иначе не будут це-

нить.

Я прекрасно усвоила эти правила, и мне действительно никогда не приходилось сомневаться в том, что я любима и желанна. Молодые люди никогда не могли добиться от меня ничего, если не были достаточно настойчивы и изобретательны в демонстрации своих серьезных намерений. Но только много времени спустя я поняла, что потому мне и не хватало всегда тепла в отношениях, что даже когда они завязывались, я именно от мужчин продолжала ждать проявления чувств, пылкости, любвеобильности. Они же совершенно успокаивались и уже не видели никакой необходимости что-то передо мной проявлять и демонстрировать. И у меня было на это строгое табу – нельзя же самой, что ты, ни-ни.

Так я и оказывалась в конце концов в полной эмоциональной изоляции, довольствуясь редкими минутными всплесками в моменты, когда на самих мужчин находило вдохновение. Понятно, что этого всегда было мало. Свои же собственные порывы с Саввой я постоянно сдерживала, а с Альбертом их и не было, по сути.

В общем, так и получалось, что в отношениях нас учили не любить, а выгадывать. Учили выигрывать, как будто речь шла об играх или каких-то видах борьбы.

Суть в том, что игры эти не приносят большого удовлетворения. В краткосрочной перспективе – да. Он ухаживает за тобой, добивается, цветы, подарки, свидания – все, он твой, победа и полная капитуляция. Сладкий вкус триумфа, кото-

рый однако длится очень недолго, и что же дальше? А ничего. Симпатичный фасад, за которым большую часть времени пусто и гулко.

Справедливости ради надо сказать, что с Саввой все было не так плохо, хотя это и не мешало мне считать его ошибкой, потому что мама всегда считала ошибкой наши отношения. И потому я и предположить не могла, что для счастья мне и правда нужен кто-то вроде него.

Не спорю, возможно, такое воспитание, в свою очередь, уберегло меня от многих испытаний, от сумасбродств, на которые толкает неконтролируемая страсть. Но с другой стороны, оно так далеко увело от истинного понимания себя, своей женской сути. От той простой истины, что именно женщина в ответе за любовь в отношениях, а мужчина лишь принять может от нее эту любовь. Так что если в женщине любви нет, то и в отношениях ее не будет. То есть когда мы начинаем игру в побеждайку, мы сами же всегда бываем в проигрыше.

Однако чтобы давать эту любовь, самой нужно быть сильной и мудрой. И я так долго спрашивала себя, зачем я так долго живу с Альбертом, ведь не люблю и не хочу его. Потом только поняла – именно с ним я научилась и силе этой, и мудрости. И если бы не мучительные отношения с ним, то и с Пашей не было бы этого пьянящего, безудержного. И я не любила бы, не прощала бы так и не понимала бы, как это много сил дает, а не делает слабой, как казалось раньше.

Инна, сестра, говорит, что я просто потеряла себя из-за страсти. Что я готова терпеть что угодно, лишь бы оставаться рядом с Пашей. Что это наваждение, помутнение рассудка, бешенство гормонов, которое затуманило мне разум и не дает видеть все таким, какое оно есть на самом деле.

Конечно, у меня тоже были такие подозрения насчет себя – кому, как не мне, знать лучше других, что я никогда так себя не вела, не чувствовала. У меня всегда голова срабатывала быстрее и лучше всего остального – иначе почему бы я могла оставаться с Альбертом так долго. Так что вполне резонно было задать себе вопрос, а не одурманена ли я новыми ощущениями настолько, что начала обманывать себя и попираť свои собственные интересы?

Но нет, все было не так. Я проверяла, были такие моменты, когда Паша вел себя настолько безобразно, что начинал казаться совершенно чужим человеком. Таких моментов совсем мало было, один или два раза, но этого хватило, чтобы понять, что я так отношусь к нему не потому, что он пробуждает во мне влечение, которое мешает мне помнить себя и трезво смотреть на реальность. А потому, что между нами действительно есть та душевная близость, которая не стоит никаких обид и претензий. Если только это ощущение исчезает, то я сразу и желание перестаю ощущать, и Пашино красивое, идеальное для меня тело перестает меня привлекать. Он становится таким же, как миллионы других – чужим и ненужным. Но чуть он снова возвращается ко мне, и

все ощущения возвращаются тоже. Так что дело, конечно, не только в страсти и влечении.

Ну а Инна так говорит, потому что никогда не испытывала ничего подобного. И я могу ее понять, мне раньше тоже казалось, что такое только в кино бывает – чтобы вот так сходить с ума друг по другу. Чтобы быть счастливыми только оттого, что вы вместе. Чтобы прощать человека и любить его, все равно любить. Чтобы колотить тарелки, кричать друг на друга, обзывать, кусаться и щипаться, и тут же кидаться друг к другу в объятия, чувствуя, как захлестывает, но не только страсть, а чувство, осознание того, насколько тебе близок и дорог человек. Я поняла вдруг, почему люди иногда годами ждут друг друга, преодолевают болезни, расстояния, лишения, лишь бы быть рядом. Нет, конечно, они по разным причинам это делают, но не только от безысходности или из чувства долга, а потому еще, что действительно любят друг друга. Потому что понимают, что никто другой не заменит им друг друга.

Да, оказалось, что и так тоже бывает, не зря написаны книги об этом, сняты фильмы. Просто не каждый может испытать это, даже не каждый захочет, как ни странно это звучит, на первый взгляд. Да взять хотя бы ту же Инну – разве она искала этой любви, стремилась к ней? Она всегда ее ждала, как будто та должна просто с неба свалиться. Это тоже, кстати, одно из наших больших заблуждений, что любовь просто случается или нет. Мол, только от везения зависит, встре-

тишь ты такого человека или нет. Но это все равно что ждать больших денег из ниоткуда и ничего при этом не делать – много их тогда придет?

К любви надо стремиться, как и ко всему остальному в жизни. Наблюдать, думать, меняться, учиться. Но даже когда она приходит, она редко бывает похожа на безоблачное счастье, потому что ее еще надо выдержать. Сильные положительные чувства порождают не менее сильные негативные переживания – сомнения, страхи. Поэтому чтобы любить, нужно много сил, веры в себя в жизнь, в любовь, друг в друга. И для этого нужно быть чистым и светлым душой, а если не хватает чистоты и света, то приходится постоянно развиваться, расти, стремиться к этому. А ведь далеко не каждый готов к этому. Многим намного милее оказывается спокойная, пусть и немного скучная жизнь, ну вот как Инне или маме.

Так что пусть Инна и мама считают, что я обманываю, теряю себя. Я ведь тоже вижу, чего они лишают себя в жизни именно потому, что так боятся утратить власть, контроль над всем, не понимая, что как раз это их и ограничивает, обедняет безмерно. Ведь когда сам отдаешься без остатка, и в ответ получаешь такую же бесконечность. Надо только не побояться потерять что-то, что на самом деле тебе и не нужно.

Меня многие девушки любили, просто сходили по мне с ума. Убивались по мне, готовы были унижаться, лишь бы я

только уделил им внимание, был с ними. Что уж они такого находят во мне? У меня же ничего нет за душой, кроме кучи долгов... Хотя есть, наверное, кое-что. Наверное, со мной может быть интересно, да и природа меня не обделила во всех смыслах, все говорили мне об этом. Удивительно, насколько падкими могут быть девушки на это – чуть запустят руку в штаны, и их уже не остановить, такие маньячки.

А я и не знаю, любил ли я кого-нибудь. Если и любил, то не жену точно. Женился, потому что время пришло – как-то так. Думал, что пора уже определиться как-то, чтобы был свой дом, жена, дети. Так осточертела моя жизнь – девицы какие-то, встречи, расставания, все приелось и потеряло смысл. Захотелось чего-то настоящего, что действительно можно было бы считать достижением.

С Юлькой мы учились в школе. Я ее семью знал – мама в частной клинике работает, отец – в банке. Сама Юлька моделью одно время была, замуж вышла, потом развелась, бросила модельный бизнес и устроилась администратором в ресторан. Тогда мы с ней и пересеклись в соцсетях.

Не сказать, чтобы такой уж красавицей она была, да и не в моем вкусе, если честно, но вся такая ухоженная, лощеная, одевалась всегда так стильно, маникюр-педикюр, все дела. Как идет, так все мужики на нее оборачиваются.

Лелька меня спрашивает, каким местом я думал, когда ее себе в жены выбирал. Да, согласен, как-то просчитался я. Просто когда мы с ней встретились, так все завертелось, она

просто вцепилась в меня. Я и в школе ей нравился, а тут она просто как с ума сошла, бредила мной. Ну, конечно, и меня она зацепила – этой дорогой своей, холодной красотой, и в постели она была просто невероятно хороша, такие штуки делала, от которых у меня просто дух захватывало, все умела.

Ее родители дали нам денег на свадьбу, папочка квартиру купил – типа свадебный подарок, правда, оформили эту квартиру не на нас с Юлькой, а на ее маму, но мне-то было плевать на это. Хотя потом я понял, зачем так сделали.

Быстро обнаружилось, что детей она не хочет – по крайней мере, не сейчас, что ей лишь бы по вечеринкам, да ресторанам, да заграницам. Взяли один кредит, потом второй, третий. Начались скандалы из-за денег, оказалось, что это я должен ее обеспечивать, оплачивать все ее маникюры-педикюры, прически, тряпки, гулянки, а я такой никчемный, неспособный и бла-бла-бла... Она стала отказываться заниматься со мной сексом, а потом я еще и узнал наконец, что у девочки нешуточные проблемы с алкоголем. Что она лечилась, чистилась, кодировалась, и я ее встретил как раз в один из периодов, когда она более-менее была похожа на человека. Но как только начались все наши проблемы, так она и сорвалась.

Я сам не ангел и не святой, но я ненавижу пьяных женщин. И все-таки оставался с ней, пытался не давать ей пить, отвлекать ее, занимать, ну, мы же мужем и женой были, семьей,

должны были помогать друг другу... Возил ее по клиникам, по бабкам, в Испанию тогда съездили, думали, может, смена обстановки поможет... Три года мы так с ней прожили, и нет, ничего не помогло.

И к тому же еще это вранье, это вечное вранье... Однажды она уехала около двух дня, сказала, что пошла с подружкой встречаться, кофе попить, по магазинам пройтись. И ведь знал я, как и много раз до этого, что врет она, но так она меня убеждала в своей искренности, так в глаза смотрела, ну прямо сама невинность. А в итоге вернулась ночью, едва держась на ногах. И после того как она полночи провалялась в ванной в собственной блевотине, я собрал свои вещи и ушел. Позвонил бывшей подружке, попросил пустить переночевать, да так и остался у нее на пару месяцев. Потом другую нашел. Но с Юлькой больше не виделся, просто тошнило от одной этой мысли.

Ее мать звонила мне потом, чуть не плакала, мол, девочка с ума без тебя сходит... А мне какое дело? Пусть они сами в своей семейке разбираются, надо было сразу предупреждать, какие они там все ненормальные. Какая уж тут любовь...

Была еще одна... уже после Юльки, Аллочка. Она меня учила татуировки делать. Я пока с ней был, словно на крыльях летал, а потом узнал, что она не только со мной спит.

Все-таки все бабы суки. Поначалу прикидываются добрыми, нежными, бескорыстными, но в глубине души только и мечтают о том, чтобы поиметь тебя. Одним нужен секс, дру-

гим деньги, третьим просто нравится плевать тебе в душу, не знаю, наверное, они самоутверждаются так, что ли... Иву только не могу понять – ей-то что надо? Но ведь тоже что-то надо, наверняка...

Когда мы только начали встречаться, мне бывало приходила мысль в голову, что вот это, наверное, любовь и есть, что я люблю ее, Иву. Потом как-то улеглось, так что я уже и не думал об этом... Лелька так странно смотрит на меня, когда я говорю об этом, чуть насмешливо и... с жалостью? С чего это ей меня жалеть?

Говорит, что если бы Ивы не стало в моей жизни, я же на стену полез бы, просто сам не хочу себе в этом признаться. Мол, когда она уезжает куда-то, мне же ни до чего становится, ни до телефона, ни до девиц своих – вроде и продолжаю писать им, но словно без удовольствия, больше язвя и огрызаясь, так что многие из них просто перестают отвечать, чувствуя мое поганое настроение... Вот чего ты, говорит Лелька, приехал сейчас ко мне, заняться, что ли, нечем? Сидел бы дома в интернете, в игрушки бы игрался, флиртовал бы со своими подружками, рисовал бы... Да мы же не виделись столько, отвечаю я, вот и приехал.

Ну да, Ива уехала на два дня к бабушке, ну что мне дома делать одному? А в остальном подумаешь, уехала и уехала...

Ну вот и сказала бы Лелька, раз она такая умная, почему Ива не захотела меня с собой взять, а? Вот зачем ей одной ехать? Говорит, ну что тебе мотаться по автобусам, на

другой конец города, с пересадками, бабушка к тому же не очень здорова, а приедем вместе, начнет суетиться, переживать... Гляди-ка, заботливая какая, подумаешь, автобусы... Вот скажи, ну почему она одна поехала? Почему она прячет меня от своей родни, не хочет, чтобы они видели меня? Стесняется, что ли???

Ну да, нет у меня сейчас настроения в интернете сидеть, но при чем тут Ива? Просто погода какая пакостная, дожди эти, серое все... А ведь тебя, говорит Лелька, никогда никуда не вытащишь в такую погоду, тем более ко мне, ты же терпеть не можешь слякоть.

Ну что она прицепилась? Да, я не люблю быть дома один, и что? Быстрее бы Ива приехала, ненавижу дожди, терпеть не могу спать один – холодно, пусто в постели... Скучаю по ее запаху, по ее поцелуям. Хочу смять ее руками, нежную, теплую, замучить до смерти – ну где ты была, почему ты была там без меня, что ты могла там без меня делать???

Лелька ржет, говорит, что не помнит, когда бы меня напрягало одиночество, всегда норовил спровадить своих подружек, чтобы не напрягали меня почему зря. Ну что она хочет этим сказать? Что это любовь? Да какая, к черту, разница? Ну пусть будет любовь, если Лельке так хочется услышать это. Кто ее вообще знает, что любовь, а что нет...

Я только хочу, чтобы Ива быстрее приехала, хочу увидеть, что она все так же любит и хочет меня, что я ей нужен. И лучше бы она вообще никуда не уезжала.

А единственная женщина, которую я всегда любил и буду любить, это мама.

Лелька уже не смеется. Говорит, сколько же терпения надо, чтобы меня любить. Выразила желание познакомиться с Ивой. Ага, щас, чтобы они еще сплетничали обо мне между собой... Ох уж эти женщины.

Кстати, у Паши все-таки было тоже кое-какое имущество – машина. Хотя и она была не вполне его, а мамина, и та вроде собиралась ее продавать, но пока заниматься этим было некогда да и без особой надобности, и она отдала ее Паше. О, этот автомобиль был еще одним испытанием для Ивы.

Надо сказать, Паша вообще мало соответствовал ее представлениям о том, каким должен быть ее любимый человек. Именно поэтому в их первые две встречи, несмотря на все ее влечение к нему, она даже подумать не могла, что между ними может что-то быть. Он работал в тату-салоне и плюс к этому подрабатывал где придется. Дни попеременно с ночами, работа с безработицей, сон с бессонницей, деньги с безденежьем, кофе, сигареты, энергетики, бесконечные знакомства с новыми людьми и не только с мужчинами, но и с девушками – со множеством девушек. Пусть это даже довольно безобидно было – в силу природной общительности, рода деятельности, пусть даже в этом не было ничего сексуального, но таким мужчинам, казалось, априори нельзя доверять.

Кроме того, Паша был немного ниже ее и такой же худо-

щавый, как Савва, разве что более фактурный – еще одна вечная заноза для Ивы.

Мама и сестра Инна были маленькими, хрупкими, Ирину Ильиничну даже в ее почти шестьдесят с некоторых ракурсов можно было принять за молоденькую девушку. Ива же пошла в папину родню – довольно высокая, полноценной модели из нее не получилось бы, и все же она была заметно выше мамы и сестры, не такая хрупкая, как они, не такая миниатюрная.

Мужчины в их семье, напротив, были высокими, большими – деды, братья мамы, единственный брат отца. И Инна вышла замуж за Ивана – такого же высокого и большого. И Иве, конечно же, нужен был высокий крепкий мужчина. Ну зачем ей при ее росте и сложении хрупкий мальчик рядом? Тут дело даже не в эстетике, а в природе, физиологии – вот так рассуждали в ее семье.

Однако Савва, которого мама всегда считала ошибкой, был ниже Ивы, Альберт, слава богу, одного роста с ней, и после расставания с ним Ива всегда думала, что теперь-то уж точно найдет подходящую себе пару. Но появился Паша. Увы и ах.

Паша смеялся над ее сомнениями, издевался над ее комплексами. Ему, как и всем до него, нравился ее рост, ее сложение, даже льстило в каком-то смысле, что она была выше.

Они с Пашей фотографировались, и ей нравилось, как они смотрелись вместе.

– Вот видишь! – восклицал он и тут же выкладывал фото в «Инстаграм», где оно собирало несколько сотен лайков.

И все-таки Ива не сразу приняла эту разницу, это несоответствие семейным стандартам. Но с Пашей ей было по-настоящему хорошо, и по сравнению с этим и разница в росте со временем стала казаться не такой важной, и работа сегодня такая, а завтра другая, и образ жизни Пашин, может, и был непривычен, но вполне гармонично сочетался с ее собственной жизнью – в общем, постепенно она все это приняла как есть и перестала об это волноваться.

Однако на этом открытия и испытания не закончились. Только Ива успокоилась насчет роста и образа жизни, как узнала, что Паша вообще-то до сих пор женат. И что на нем несколько просроченных, невыплаченных кредитов. Когда-то по инициативе Пашиной бывшей жены они взяли несколько кредитов и ни за один из них не рассчитались. На эти деньги купили дорогую машину, которая осталась жене, съездили отдохнуть в Испанию, все остальное ушло на шмотки и развлечения.

На Иве эти долги никак не отразились бы, даже если бы они с Пашей поженились, но сам факт, отношение к этому – Ива и представить не могла, что можно взять у банка деньги и не платить, рискуя нажить себе кучу проблем этими невыполненными обязательствами. А Паша мог.

И что было делать? Сказать, прости-прощай, забирай свои вещи? Больше не быть вместе, не целоваться, не засыпать

обнявшись? Не слышать, как он гремит посудой по утрам за приготовлением завтрака, не видеть, как он улыбается ей, не слышать, как поет что-то смешным голосом? Из-за кредитов?

Мама бы сказала – да, так и надо сделать. Но Ива не стала. Должно было быть что-то выше этих расчетов, что-то над сомнениями, страхами и ограничениями. Так что можно было попробовать рискнуть, и Ива рискнула, осталась с Пашей.

С этой точки зрения, желтая машинка из всего нового, что вдруг появилось в жизни Ивы, возможно, была наименьшим испытанием. И все-таки когда Ива увидела ее, она поняла, что не только у членов ее семьи, но и у нее самой где-то в глубине души еще остались предубеждения против того, с чем ей приходилось сталкиваться с появлением Паши в ее жизни.

Маленький, помятый и поцарапанный в нескольких местах, нездорово постукивающий во время езды, желтый автомобиль был верхом нелепости, и Ива не могла себе представить, как будет ездить на таком. Никуда не денешься, по материальным ценностям часто оцениваешь и самого человека, а пока Ива была с Альбертом, она привыкла совсем к другому. Думала, что после встречи с Пашей она окончательно изменила отношение к этому, освободилась от привязки к статусным вещам, но увидела эту желтую несуразную машинку и поняла, что голоса мамы, сестры и даже Альберта все еще звучат в ее голове. Разочарованные голоса. Мол, как

же ты, девочка, докатилась до такого.

Альберт. Красивое имя, Иве оно нравилось, и, когда они познакомились, она сразу подумала, что было бы здорово, если бы ее парня звали так. Однако когда Альберт и правда стал ее парнем, оказалось, что имя это доставляет массу хлопот. Полное – слишком официальное и вычурное. Сокращенное, Алик, совсем ему не шло, детское какое-то, куцее... В итоге, Ива стала избегать называть его по имени, что, конечно, добавляло сложностей в общении, особенно когда надо было быстро окликнуть его. Тогда у нее нередко чуть ли не «эй» вырывалось, потому что ну не могла она заставить себя назвать его по имени, которое всегда казалось неуместным.

С Альбертом Ива собиралась строить семью. Перед этим она рассталась с Саввой, к которому у нее за несколько лет их отношений накопилось достаточно претензий, чтобы возникло желание покончить с ними и начать что-то новое, уже более зрелое и осмысленное, как ей думалось. Савву в Ивиной семье тоже не слишком-то принимали – скорее, терпели. Не потому, что он был чем-то не хорош с формальной точки зрения, напротив – молодой перспективный специалист, умевший быть практичным и целеустремленным, всегда аккуратен, вежлив, внимателен. Но вот не вливался он в семью, держался особняком. Не пытался принимать участия в семейных делах, избегал появляться на семейных сборищах, старался не иметь никаких дел с Ивиными родственниками.

Всех, включая саму Иву, это всегда несколько коробило, – не так рисовалась в воображении счастливая семейная жизнь. Ладно еще, пока они дружили, а пошли бы дети, и что? Так и продолжать общаться, словно через стенку, вежливо и официально? Поездки к маме, на семейные праздники, на свадьбы – и все через уговоры, через скандалы? Да и вообще Ива к тому времени начала уже сомневаться, что хочет ездить с ним куда-то – чувства выцвели, и всегда словно чего-то не хватало. Было, конечно, и такое, из-за чего с ним жаль было расставаться, но в какой-то момент негатив все-таки перевесил, и тут она как раз с Альбертом и познакомилась.

Внешне он был не настолько привлекателен, как Савва, но так, похоже, думала только Ива, потому что и маме, и сестре Альберт нравился гораздо больше. Спору нет, он умел произвести хорошее впечатление, был элегантен и обходителен, мог к месту сказать комплимент, рассказать анекдот, интересно поговорить на разные темы. Он и Иве нравился именно этим – таким вот единением с миром, своей расположенностью к окружающим, своими манерами и умением подать себя.

Хотя по части внешности ему особо нечем было похвастаться. Взять Савву – тот при всей своей аккуратности выглядел намного проще, чем Альберт, но когда он оказывался дома в одних шортах, а то и вовсе без одежды, Ива не могла не смотреть на него, не наслаждаться им. Он был хорошо

сложен, у него были в меру мускулистые руки, плечи, живот, красивая спина, попа, ноги. И Иве нравились его ступни, их всегда хотелось касаться, хотя она никогда этого и не делала. Его хотелось касаться вообще всего – руками, губами, телом. Гладить, целовать – чувствовать.

Альберт же, когда оказывался без одежды, терял все свое очарование. Пока Ива была с ним, она стала по-другому смотреть на мужчин. Бывает ведь, что привлечет внимание кто-то харизматичный, статусный, с шиком одетый, блестяще, с тонким юмором выражающий свои мысли, и все это зачастую пробуждает сексуальное влечение, вызывает порыв завладеть таким мужчиной, сделать его своим. Однако сексуальное влечение это секс, но каков же этот сексуальный мужчина под красивым костюмом, дорогими часами, обаятельными речами? Приглядишься так и видишь круглый волосатый животик, покатые плечи, тяжелый зад. Прыщики на спине, растяжки на пояснице. Может, он сходил утром в душ, а может, не мылся уже несколько дней. Можно как угодно относиться к мужчине как к человеку, но секс есть секс – это только отчасти мысли, шарм и обаяние, но в большей степени это также тело и ощущения от него.

Альберт был рыжеволос и бледен, как все натурально рыжие люди. Под одеждой его руки, плечи, спина были покрыты веснушками и завитками рыжих волос. Он был худощав, но это была не та поджарая мускулистая худощавость, что была присуща Савве и Паше – это была некрасивая, безволь-

ная худоба человека, который не привык утруждать себя физически. Ива знала, что ей никогда не будет нравиться его тело само по себе

Конечно, невозможно иметь все и сразу – Ива это понимала. Опять же ей было не шестнадцать лет, чтобы придавать слишком большое значение внешности. Очень хотелось надеяться, что обаяния и шарма Альберта хватит на то, чтобы постоянно подогревать сексуальное влечение между ними. Казалось, что он вполне способен на это, да и сама Ива готова была делать все от нее зависящее, чтобы строить их отношения, поддерживать их, согревать и оживлять, ведь она знала уже, что само собой это не происходит, отношения требуют вложения усилий и работы над ними. Она готова была работать и вкладываться и согласна была компенсировать что-то одно чем-то другим.

Первое время все было прекрасно. Она получала настоящее удовольствие от того, что Альберт был рядом, от того, как ладно между ними все складывалось. Он всегда хорошо выглядел, всегда аккуратно подстрижен, причесан, ухоженные руки, ноги и прочие немаловажные в интимных отношениях места. Он всегда умел и любил красиво, элегантно, даже с шиком одеться, даже когда у него не было много денег. От него всегда приятно пахло – мылом, кремами, лосьонами после бритья, парфюмом. Савелий почти не пользовался косметическими средствами, даже туалетную воду использовал только в особых случаях, так что по сравнению

с ним близкое присутствие Альберта всегда казалось настоящим праздником уже благодаря одним только запахам.

Альберт быстро перезнакомился и сошелся со всеми ее родственниками, друзьями. С ним нестрашно, а наоборот, даже приятно было случайно встретить бывших одноклассников или сокурсников, коллег по работе. Он со всеми мог и разговор поддержать, и пошутить, и в адрес Ивы сказать что-то приятное, так что сразу становилось понятно, как он любит и дорожит ею.

Но со временем ей стали открываться и некоторые его недостатки. Или даже не столько открываться, сколько обращать на себя все больше внимания, ведь понятно, что и в начале отношений замечаешь в человеке то, что тебе не очень нравится, просто сначала это полностью перекрывается положительными чувствами, которые вызывает влюбленность. Но постепенно восторги начинают идти на спад, и те черты в человеке, что с самого начала были не по душе, становятся все явственней и начинают вызывать все большее неприятие.

Самое интересное, что и то, что нравилось в человеке, тоже вдруг обнаруживает свою негативную сторону. В какой-то момент Иву вдруг стало раздражать, что Альберт столько внимания уделяет своей внешности, что способен расстраиваться и нервничать, если, к примеру, дома нет горячей воды и он не может полноценно помыться, или если оказалась испорчена стиркой его любимая рубашка. С одной стороны, Ива понимала его, ведь она сама любила чистоту и свои ве-

щи, и все-таки ей казалось, что это слишком – то, сколько значения он придает таким моментам.

При этом ей никогда не нравилось, насколько потребительски, бездушно он относился даже к любимым своим вещам. Пока вещь могла быть полезной, он ценил ее, заботился о ней, но чуть только она оказывалась испорчена или не нужна, как тут же без всяких сожалений избавлялся от нее. С одной стороны, это было вроде бы и правильно – ну что еще делать с вещью, которая стала бесполезна или не может больше служить тебе так, как служила ранее? Но с другой, казалось очень странной такая способность мгновенно избавляться от того, чем ты долгое время дорожил. Выходит, не дорожил, а просто пользовался?

Как раньше Иве нравилось, что Альберт общается со всеми ее родственниками и друзьями, так в какой-то момент ее стало это напрягать. Он мог пересекаться с кем-то из них, заезжал к маме или встречался с кем-то из ее друзей по делу или просто по случаю и ничего не говорил об этом ей, Иве. Потом она узнавала об этом от мамы или друзей, и они так удивлялись, что Альберт ничего ей не сказал, да и сама Ива удивлялась – неужели так сложно было? Могло сложиться впечатление, что они вовсе не общаются друг с другом, ведь это так естественно – встретиться вечером, обменяться новостями, впечатлениями, именно в такие моменты так уместно передать приветы от родни или общих друзей.

Иву раздражало, что Альберт словно выжимал ее из ее же

круга общения, стягивая все больше внимания на себя. Это казалось неправильным, несправедливым, ведь она вовсе не хотела соперничать с ним, доказывая свое первоочередное право на это внимание, он вообще не должен был вставать между ними. И все же это происходило, и у Ивы появлялось чувство, что Альберта в ее семье любят даже больше, чем ее саму. Это было так странно, что она даже не решалась заговорить об этом, молчала, но недовольство копилось.

Раздражение вообще стало возникать все чаще – не то сказал, не так посмотрел, не так делает. Иве самой не нравился этот настрой, но она ничего не могла с собой поделаться – ей становилось скучно в их отношениях, и оставалось только расстраиваться, что это случилось так быстро, хотя казалось, что у нее есть все шансы прожить с Альбертом всю жизнь.

Тут вступила мама. А ты что хотела, говорила она, чтобы сколько бы вы ни пробыли вместе, у вас искры из глаз сыпались от любви и страсти? Так ведь не бывает, убеждала она, и Ива, в общем-то, была с ней согласна. Но все равно не могла смириться с тем, что отношения с Альбертом радовали ее все меньше и меньше.

Это совершенно нормально, уговаривала ее мама. Так живут все семьи. Не бывает, чтобы праздник был каждый день, однажды наступают будни, но это опять же не повод отчаиваться – просто надо научиться получать удовольствие от маленьких радостей, от мелочей, от самой жизни, ведь при желании в ней всегда можно найти что-то хорошее.

Но Иве хотелось большего, чем маленькие радости, особенно в то время, так что советы мамы мало помогали. Хотелось, чтобы все было как у людей – машина, квартира, норковая шуба. Кино и рестораны, дорогие подарки, цветы, поездки на море. А вместо этого было бесконечное, почти бесперспективное ожидание и Альберт, который все делал немного не так, как хотелось. И вообще всего в жизни было не так много, как мечталось. Ива не знала, ни как удовлетворить эти потребности, ни как избавиться от своих желаний, и от этого почти постоянно была несчастной. И, конечно, в то, что именно так и должна проходить жизнь, как-то совсем не хотелось верить.

Через два года после их знакомства Альберт сделал ей предложение. Выбрали день свадьбы, подали заявление. Сначала не планировали ничего грандиозного, но Альберт по случаю неплохо заработал на откатах, и неожиданно появилась возможность устроить действительно красивый праздник.

Пока шла подготовка к свадьбе, жизнь для Ивы снова наполнилась смыслом и красками. Платье, лимузин, банкет, фотограф, оформление зала, приглашения – обо всем надо было подумать, выбрать, запланировать, все обещало быть таким красивым, и потому все эти приготовления походили на сказочное, увлекательнейшее приключение.

Но вот и свадьба осталась позади – отгремела, отблестала, осчастливила и оказалась в прошлом, отсвечивая в на-

стоящее лишь завершающими хлопотами: дожидаться свадебных фотографий, напечатать, полюбоваться самим, показать всем, пристроить полученные подарки, потратить подаренные деньги. Хотели съездить куда-нибудь, но в итоге купили золотой браслет Иве, дорогие туфли Альберту и сходили один раз в ресторан – и снова началась обычная жизнь, от которой не приходилось ждать ничего особенного.

Иву донимало осознание, что ничего не происходит. А что должно происходить? – спрашивала ее мама. Неужели недостаточно просто жить? Нет, для просто жизни всегда чего-то не хватало – нового телефона, новой сумочки, возможности ходить в рестораны, клубы, покупать продукты, не глядя на ценники, складывать в тележку ананасы, дорогое шампанское, бельгийский шоколад и не считать, хватит ли денег, чтобы заплатить.

Больше всего раздражало, что несмотря на то, что всегда приходилось экономить, Альберт все равно умудрялся покупать себе дорогую одежду, обувь и аксессуары. Он всегда был к этому равнодушен, любил красиво одеться, и у него, надо сказать, здорово это получалось – в том, что касается стиля, его вкус был безупречен. Поначалу Иве это очень нравилось, но когда они стали жить вместе, увлечение Альберта обернулось тем, что все лишние деньги тратились именно на него.

Она и говорить с Альбертом пыталась, и увещевать его, и уговаривать, и умасливать, мотивировать и вдохновлять на

что-то другое, но нет, наступал очередной день зарплаты и Альберт приходил довольный с очередной сногшибательной и далеко не дешевой обновкой для себя.

– Мне это нужно для работы, – говорил он, – я должен всегда соответствующе выглядеть, чтобы продвигаться по служебной лестнице.

– Но получается, что ты работаешь ради работы! – отчаивалась Ива.

Конечно, многого хотелось – мебели, домашней утвари, поездок, развлечений, той же одежды, в конце концов. Ива не могла все это обеспечить со своего заработка, да и вообще не считала это правильным, в конце концов, именно Альберт должен позаботиться об этом. И да, она тоже хотела покупать дорогую одежду и украшения, но почему-то, в отличие от Альберта, не могла позволить себе это, и вместо этого тратила деньги на еду и вещи выбирала исключительно «по средствам».

Года не прошло после свадьбы, когда ее начали посещать мысли о том, что их отношения с Альбертом зашли в тупик и что она не видит другого выхода, кроме как прекратить их. Однажды она даже поймала себя на мыслях, как можно было бы составить разговор об этом с Альбертом, и тут он вдруг сообщил ей, что приглашает ее в ресторан в пятницу. Мысли о расставании в связи с этим тут же были на время забыты, вечер они провели чудесно, а после вечера и ночь оказалась гораздо приятнее, чем многие, что были до нее. Ива с

удивлением обнаружила, насколько то, что можно купить за деньги, может повышать сексуальное влечение. Увы, позже она еще много раз убеждалась в этом.

Удивительно, но вообще каждый раз, когда Ива начинала думать о том, что ее больше ничего не держит рядом с Альбертом, случалось что-то такое, что неизменно отвлекало и уводило ее от этих мыслей. И всегда это было связано с деньгами. То они вдруг шли в ресторан, как в тот первый раз, то Альберт покупал что-то, приходил с цветами, или конфетами, или духами, или бельем для Ивы, но всегда с чем-то, что неизменно оживляло ее, развлекало и радовало. Не всегда он угадывал с запахами и фасонами, но каждый раз это были дорогие, стильные вещи, и поэтому даже если они не всегда нравились Иве сами по себе, она все равно носила и пользовалась ими, потому что говорили о том самом «уровне», который так много значил в той ее жизни.

Ива сама не заметила, как таких моментов стало становиться все больше – в их квартире появлялась то одна новая вещь, то другая, они с Альбертом стали регулярно ходить по ресторанам, до которых он тоже оказался большой охотник, и больше не приходилось планировать покупки в супермаркете, а просто покупалось все что нужно, без излишней чрезмерности, но и без особой оглядки на цены. Свободных денег было все так же не особо много, может, именно поэтому Ива не замечала перемен, которые происходили в их жизни, но настал тот день, когда Альберт вывел ее вечером на

улицу, подвел к «Порше Кайен» и открыл перед ней дверь, предлагая сесть внутрь. Ива села в машину, даже, кажется, не глядя, а чувствуя, вбирая в себя дорогой кожаный салон, мягкий свет приборной панели, новые запахи и едва слышимый звук работающего мотора, и поняла, что ее жизнь изменилась навсегда, потому что она никогда, никогда не сможет отказаться от этой машины, а значит, и от Альберта.

Та их ночь была особенно страстной, но позже Иве неизменно казалось, что она тогда не с Альбертом занималась любовью, а с его новой машиной. Это было странное чувство, не вполне приятное, как будто она обманула кого-то, как будто она сама себя пытается обвести вокруг пальца, представляя все не так, каким оно является на самом деле. Гаденькое ощущение... И все-таки надо было признать – жизнь с того момента обрела новый смысл, окрасилась новыми красками, снова стала увлекательной и интересной, потому что в ней появились такие возможности, о которых раньше можно было только мечтать.

Альберт наконец получил повышение, к которому так стремился, а с ним и прибавку к зарплате, и с тех пор дела его неизменно шли в гору. «Порше» был куплен в кредит, но довольно скоро он за него рассчитался, купили квартиру в ипотеку, сделали дорогой ремонт. Стали ездить отдыхать, и уже было обычным делом ужинать или обедать не дома хоть каждый день, и можно было покупать ананасы, шампанское и бельгийский шоколад...

Так вот когда Ива смотрела на желтый автомобиль Пашиной мамы она невольно вспоминала черный «Порше» со светлым кожаным салоном. Садилась в маленькую машинку и чувствовала, как в ней возникает сопротивление, неприятие – ну разве можно, будучи в своем уме, сменить «Порше» на разбитую малолитражку и уверять себя при этом, что это именно то, что ты хочешь, и что тебя совершенно не беспокоит, на что ты променяла свою жизнь?!

Ива столько лет жила с Альбертом и все это время сомневалась, стоит ли ее обеспеченная жизнь того, чтобы оставаться с человеком, к которому она, в общем-то, не чувствует ничего, кроме всплесков желания и благодарности. Теперь же она, наоборот, отказывалась от всего ради того, чтобы быть с тем, кто вызывал в ней столько любви. Так какой же выбор был правильнее? Как сказала бы любимая подруга Санька, лучше бы и то, и другое. Но как заметила она же, когда есть «Порше», но нет желания быть с человеком, желание это ниоткуда и не возьмется, хоть всю жизнь с ним проживи. Зато когда есть любовь, то уж машину всегда поменять можно.

Так почему Ива все еще слушала голос мамы, которая легко согласилась бы с желанием дочери жить обеспеченной жизнью с нелюбимым мужчиной, но при этом никак не могла смириться с тем, что она меняет все, что можно купить за деньги, на то, чтобы любить и быть любимой? Да, однозначно, любовь у нас не в почете, никакого к ней доверия... Поэтому, конечно, и Ива во всем сомневалась. Действительно

ли любовь? Или, правда, всего лишь временное помутнение?

Виделись с Санькой, рассказывала ей про Пашу. Он опять выкинул номер накануне, уехал с Максом и приехал только под утро, не вполне трезвый, веселый и такой ласковый-ласковый... Я до его возвращения чуть с ума не сошла – где он, что с ним, вернется ли вообще, с ним же никогда ни в чем нельзя быть уверенной. Все вроде хорошо, ровно, спокойно, и вдруг он уже психует, собирается уходить... Ему как будто всегда приходится доказывать свою любовь, успокаивать, уговаривать, повторять снова и снова, какой он особенный, как я люблю его...

Санька удивляется, как у меня хватает терпения, сил, как я могу прощать его за все. А я ведь правда просто люблю. И так приятно, когда можно просто прощать. Вот он вернулся домой, посмотрел на меня с трогательной улыбкой, и тут же забылась вся прошедшая ночь, обнялись, переплелись с ним, и такое нежное, такое сладкое было утро...

Я пока его ждала, нервничала и отбила край у кружки, прямо не знала, что с ней делать. Так люблю ее, большую, желтую, уютную, наливаю в нее и кофе с молоком, и чай, и таким солнышком она всегда на меня светит, прямо мир теплеет. А тут все, отбитый край, да еще эмоции такие, вроде склеить можно, но все равно уже не то, только выбросить остается – жалко до слез. И ведь осколок небольшой, приклеишь, даже и не видно будет, но нет, как же, нельзя же

битую посуду использовать, карма, энергетика не та... Хотя если новую такую купишь, то и это совсем другое уже, как будто у каждой вещи тоже есть душа, и потому невозможно ее другой такой же заменить. Появится она новая, но в ней не будет того тепла, у вас с ней нет общих воспоминаний, это не с ней ты пила кофе по утрам и чай по вечерам, не с ней ты думала, радовалась и переживала из-за чего-то – ну действительно просто другое существо, как бы смешно это не звучало.

Когда Паша вернулся, я зашла на кухню, чтобы чай поставить, смотрю, кружка моя желтая стоит. Так жаль опять ее стало, и подумалось тут, что выбросить ее это все равно что дружбу из-за одной ссоры прервать...

И я вдруг поняла. Вот Альберт легко расставался с вещами, потому что видел в них только вещи. Ничего он в них не вкладывал, просто пользовался. И мама так же к вещам относится – испортилась, выбросила, купила новую. А я никогда так не могла. Я свои вещи люблю, с трудом с ними расстаюсь. Конечно, понимаю, что иногда их надо отпустить, не складировать же вокруг себя все то, чем когда-либо пользовался, но и по каждому пустячному поводу не стараюсь избавиться от них. Поэтому если люблю кружку, то склею и буду пользоваться дальше, и ничем это мне не навредит, а наоборот, сохранит частицу тепла и души.

Так же и с прощением – оно сохраняет наше тепло, заливает раны, сближает. И с Пашей мне нравится ощущать

именно это тепло, сберечь его, накапливать. Я чувствую, как во мне светит мое солнце.

А попробовал бы Альберт не вернуться ночью домой, о, тут такое началось бы! Мы так привыкаем принуждать всех к какой-то формальной правильности, что требуем придерживаться ее, даже когда нам самим не слишком-то это нужно. А в итоге сами начинаем умирать со скуки. Плюс к этому добавляется чувство обиды, повод винить окружающих, что они что-то делают не так – такой чудесный набор, способный нас занять на долгие дни перемалыванием и перекладыванием с места на место. Мол, они такие-растакые, неправильные, а мы так страдаем из-за них, бедные овечки.

Именно этим я много лет занималась с Альбертом и поняла, что, во-первых, это не дает ничего хорошего, сплошной негатив и, во-вторых, ведет в совершеннейший тупик, потому что ну остается разве что умереть, раз все вокруг такие крокодилы, и только ты белый и пушистый, и нет тебе места среди этих бесчувственных животных.

Уходила от Альберта и понимала, что не хочу так больше. И когда начинаю обижаться на Пашу, чувствую такой дискомфорт, как будто гадости какой-то наелась, и единственное, чего хочется, это поскорее очиститься от нее, перестать обижаться. Да, он может сделать что-то не так, сказать – ну и что? Как будто я всегда делаю и говорю все так. Да, он иногда, в отличие от меня, может делать это намеренно, но если разобраться, то опять же какой смысл обижаться на это? Как

будто он от этого изменится, переосмыслит все, решит встать на путь истинный – ведь нет же. Наоборот, только распахнется еще больше за попытки обвинить его в чем-то.

Зато удивительное дело, именно когда принимаешь все как есть, прощаешь, это словно все напряжение снимает. И Паша вдруг прячет свои иголки и раскрывается своим нежным, ранимым нутром, и чувствуется и благодарность его за это принятие, и желание сделать в ответ что-то хорошее. Сколько раз наблюдала за этим, но каждый раз это воспринимается словно волшебство какое-то, каждый раз такое маленькое чудо свершается на твоих глазах. И разве не стоит прощать ради этого?

Вообще странно, конечно, что Паша такой. Такой чувствительный и недоверчивый одновременно. Такой отзывчивый и в то же время мгновенно готов захлопнуться, обидеть, отвергнуть. Наверное, тоже из детства все, откуда же еще. С мамой у него такие теплые отношения, но когда-то, когда ему было всего семь, она второй раз вышла замуж, родилась Оля, и похоже, все внимание мама отдавала ей и новому мужу. А Паша вроде был с ними, но в то же время как будто всегда отдельно от них, и потому быстро стал сам по себе. В шестнадцать лет ушел из дома, поступил в какой-то техникум, переехал в общагу, и уже никого не слушал и ни с кем не считался. Не доучился, жил то здесь, то там, работал где придется, потом связался с какой-то компанией, что-то они такое натворили, чудом не посадили их тогда. После той

истории он женился. Развелся. И все это время мама, с одной стороны, была рядом, помогала чем могла, всегда готова была принять его, но с другой стороны, ни во что особо не вмешивалась, не пыталась учить и наставлять его, не пыталась пробудить стремление к лучшей жизни, как, например, моя мама это делала.

Так, наверное, и получилось, что Паша не чужд любви и знает, что это такое, но при этом полон недоверия к окружающему миру, потому что разное повидал, и не всегда это было что-то хорошее. И еще есть в нем убеждение, что у него не было и не будет ничего – не знаю откуда это. Может, от мамы, у нее тоже не особо все благополучно с имуществом складывалось. Во времена перестройки они квартиру потеряли, жили какое-то время на даче, потом от бабушки квартира осталась, но и та напополам с братом маминым – в общем, непросто все. Да и у Пашиного отца в этом смысле не все ладно – квартиру свою оставил сыну от второго брака, а сам в частный дом переехал жить. И вот Паша все повторяет, что у них эта неудачливость, неспособность что-либо иметь и наживать просто в роду, как проклятье какое-то. Хотя вижу ведь, что он все равно пытается сопротивляться ей, ведь хочется же, чтобы все было как у людей, и, несмотря на все свое разгильдяйство, он прекрасно понимает удовольствие в том, чтобы зарабатывать и иметь что-то свое...

Если подумать, то мы с ним одинаковые. Может, потому и встретились, переплелись, одинаково легкие, неприкаянные,

обоих не держит, не сдерживает ничего, но ведь в том-то и прелесть, чтобы быть не потому, что нас связывает что-то, а потому что просто хочется быть вместе. И теперь понимаю вполне, о каких простых радостях мама вела речь когда-то. Не надо больше ни ресторанов, ни шоколада бельгийского – а надо просто видеть друг друга, спать вместе, есть, рисовать, ехать в желтой машине, держаться за руки. Это и есть то счастье, которое по-настоящему наполняет жизнь...

В какой-то момент ловлю на себе восхищенный взгляд Саньки и осекаюсь невольно – да, я сейчас говорю ей о том, о чем мы когда-то вместе мечтали. Я еще жила с Альбертом, а она со своим Темой, и она и сейчас с ним, только у них ничего не изменилось – то же недовольство, недостаток внимания со стороны Темы, чуткости, понимания. Вроде все хорошо и в то же время не очень-то и хорошо. Как и говорила мама, многие так живут...

Хотя смотрю сейчас на Саньку и понимаю, что я теперь совсем по-другому вижу и ее жизнь тоже. Раньше тоже сокрушалась – мужчины не хотят нас понимать, не видят нас, не замечают. Постоянная тема для разговоров, повод для страданий. А теперь понимаю, что есть и обратная сторона – а мы сами так ли уж понимаем и принимаем? Тоже ведь всегда пытаемся давить, указывать на недостатки, переделывать, улучшать. Но во что это выливается? В постоянное противостояние, критику, неприятие. Чем больше мы об этом говорим, тем сильнее сопротивляются и закрываются муж-

чины и тем больше страдаем от этого мы сами.

Стремление к равноправию увело женщин от их сути, от их мудрости. Мы не должны бороться как мужчины, мы вообще не должны бороться, это просто не наш метод. Наша сила в нашей любви, в умении принять, простить и поддержать. Вроде бы невидимые, неосязаемые, неосознаваемые материи, но как тонко они ощущаются бесчувственными вроде бы мужчинами!

Сколько раз уже убедилась в этом на собственном опыте. Поссоримся с Пашей, и вот неправ он, ну как ни посмотри, неправ, даже и думать не хочется о том, чтобы как-то оправдать его. Пришел недавно домой, поздно пришел, наскоро поел, даже поговорить не успели. Телефона из рук, кажется, ни на секунду не выпустил. После этого предложил пойти фильм посмотреть. Пошли в комнату, я фильм нашла, включила, а он как сидел, уткнувшись в телефон, так даже глаз не поднял ни разу. Чувствую, как во мне возмущение начало подниматься. Я тоже устала в тот день, ждала его, хотела посидеть рядышком, чувствуя его присутствие, поддержку, и что вместо этого? Неужели он за день не наобщался со всеми своими друзьями и подружками, чтобы еще и сейчас предпочитать их мне?!

Выключила фильм, отодвинулась резко. Паша заметил мой жест, вскинулся наконец-то. Но вместо того чтобы, по логике вещей, по моей логике, обратить на меня внимание, еще и на меня же выплеснул свое раздражение, мол, я дерга-

ная какая-то, а ему этого на работе хватает, чтобы еще дома это терпеть.

Обидно стало до слез, убежала на кухню. Стою у окна, смотрю на темную улицу, а в голове так и вертится: ну как так можно? Зачем? Неужели я так много прошу или о чем-то сложном? Ведь можно же просто уделить мне хоть немного внимания, мне, любимой женщине? Ну в чем я могу быть тут неправа?

И вот стоишь так минуту, две, десять, а он как сидел там в комнате с телефоном, так и сидит, только и слышно, как тот тренькает, оповещая о приходе новых сообщений. И нет, не чувствует он ни вины никакой, и идти за тобой не собирается, и никакого дела ему нет до того, что ты стоишь на темной кухне и обижаешься на него. И это тот самый тупик, в котором мы неизбежно оказываемся, когда пытаемся что-то доказать мужчине.

Хорошо, говоришь себе помудревшая ты. Если не так, то как по-другому? И начинается процесс в обратную сторону. Надо понять и принять, проникнуться, снова почувствовать любовь. Сначала трудно даже представить, но потом думаешь, что, может, он и правда устал как собака на работе, достала какая-нибудь клиентка, или клиент, или все сразу, погода плохая, замерз, пока ехал домой, а когда уже почти приехал, написала подруга из Екатеринбурга. Сто лет не слышались, и тут вот лучше времени не нашла, чем на подходе к дому, а поговорить хочется, потому что давно хотел у нее

узнать про ту краску для татуировок, да и так поболтать, как там она, нашла себе кого-нибудь или так и продолжает себе мозг парить ерундой всякой, типа она некрасивая или еще что...

Неужели нельзя такое понять и допустить? Неужели обязательно требовать к себе внимания или объяснений от него, оправданий за свое поведение? Конечно, у него тоже есть свои интересы, потребности, и неужели нужно делать из этого такую проблему? Ну займись ты чем-нибудь своим, пока он там сидит в телефоне, вот делов-то...

И почувствовала, как пошло тепло – к Паше, к жизни, снова люблю, снова принимаю. Вспомнила про свой насморк, стала делать противовоспалительный точечный массаж – вот и дошли руки, а то ведь целый день собраться не могла. Расслабилась. Все-таки так приятно это – просто любить, а не бороться, доказывать что-то, и так хорошо на душе. И вот удивительно, что ничего не изменилось вовне – Паша все так же в комнате с телефоном, но внутри все стало совсем по-другому. Так что эта перемена настроения от другого человека совсем не зависит – все в наших руках.

Щелкнул выключатель, несколько стремительных шагов, хватающие меня за талию крепкие руки – Паша.

– Ну и что ты тут высиживаешь, психоз ходячий?

Веселый, слышно по голосу, и сразу на душе еще легче стало – вот и помирились.

– Да Юрка написал, – продолжил он, легко кусая меня за

плечо, – хочет кредит взять за брата, идиот. Отговариваю его, вот ничему народ не учится, уже ведь выплатил один раз не свои триста тысяч и опять хочет ввязаться...

И поговорили мы с ним, и кино посмотрели, и спать легли обнявшись, переплетясь... Вот так все меняется, когда мы становимся по-женски мудрыми.

Кстати, неумение себя занять действительно составляет зачастую большую проблему. Нам, оказывается, приятнее упиваться своим недовольством, чем придумать занятие по душе и просто отвлечься от своего негатива. Так и перемалываем в себе, пережевываем, продлеваем это бесконечно, изводя себя и своих мужчин...

Санька кивала и соглашалась – да, да, все так и есть... Только как же сложно изменить подход к этому!

Сложно. Но можно. Особенно, когда понимаешь, как это все изменит к лучшему.

– А что у вас с детьми? – спросила Санька. – Не думали?
О, моя больная тема...

Иногда люди так страстно стараются чего-то избегать, что в какой-то момент им приходится познать и оборотную сторону этого нежелания, и тогда, когда им становится это нужно, они не могут это получить. Только с Пашей Ива поняла, что такое хотеть ребенка от любимого человека. А поняв, испытала облегчение и испугалась одновременно. Можно было только порадоваться тому, что им с Альбертом не дано

было иметь детей, но теперь казалось, что ей придется расплачиваться за то, что раньше ребенок был нужен ей только как средство манипуляции, как оправдание ее собственного бесцельного существования.

Она видела таких мамочек – с маникюрами и прическами, на шпильках, они расхаживали по торговым центрам, заходили в салоны одежды и кофейни, и все проявления детей, что находились при них, были лишь досадной помехой их делам и занятиям. Они нехотя отрывались от телефона, или витрины, или от разговора с подружкой, мгновенно раздражались, когда их чада проявляли нетерпение или требовали проявления внимания к себе. Им не хотелось ни уговаривать, ни успокаивать их, эти одетые в симпатичные одежки детки были как будто лишними в их жизни. И теперь Ива, вспоминая про них, с ужасом думала, что и она была бы такой же мамочкой, более того, она не видела бы в этом ничего ужасного.

Только теперь она понимала, сколько любви можно дать маленькому человеку, в котором она соединилась бы с тем, кто столько значит для нее. Этого человека еще не было даже, а сердце уже заходило от чувств – разве могла она когда-нибудь представить себе, что такое возможно?

Еще несколько лет после того, как Альберт начал хорошо зарабатывать, Ива продолжала упрямо держаться за свою работу, хотя и понимала, насколько символично это ее стремление к самостоятельности. Она была бухгалтером по обра-

зованию, работала в небольшой торговой организации. Платили не слишком много, работу эту она не любила, но владелец фирмы за что-то испытывал расположение к Иве, даже нежность какую-то, и вообще коллектив там был неплохой, так что Ива держалась за это место.

Альберт иногда подсмеивался над тем, сколько она зарабатывает, говорил, что надо быть очень богатой женщиной, чтобы позволить себе работать за такую зарплату. Она вскидывалась – давай вообще не буду работать, ты же состоятельный мужчина, можешь позволить себе содержать свою жену. И хотя он отшучивался всегда, Ива точно знала, что если бы она и правда захотела оставить свою работу, он бы не стал возражать. Однако она сама не хотела этого, даже несмотря на то, что работа была нелюбимой и нежеланной. Наверное, это позволяло сохранять иллюзию независимости и оберегало ее внутреннее чувство достоинства. Как будто внося свой честный посильный вклад в бюджет семьи, она получала право пользоваться деньгами Альберта.

Однако однажды под конец зимы она сильно переболела гриппом, целый месяц не могла ездить на работу, и за это время их фирма переехала в новый офис. Новое помещение находилось гораздо дальше от ее дома, и добираться туда было неудобно, с пересадками. Ива один раз съездила и поняла, что нет, не будет она так мотаться, не может просто, не заставит себя. Увольнение далось ей легко, как будто она давно была готова к этому. После этого стала искать новое место.

Но с новой работой не складывалось. Ива рассылала резюме, ходила на собеседования, но постоянно что-то не клеилось – то ее саму что-то не устраивало, то она по каким-то причинам не подходила. Тогда и появилась мысль о том, что нужно рожать ребенка. И мама про это не раз говорила, и сама Ива стала думать, что, может, это как раз удобный момент. В работе никаких особых перспектив, и опять же двадцать девять лет – пора уже.

Хотя и с зачатием все оказалось не так просто. Со здоровьем все было нормально, но шли месяцы, а тело Ивы никак не реагировало на все их с Альбертом попытки создать что-то общее.

Надо сказать, в то время Иве не раз приходила в голову мысль, что она плохо представляет себя в роли матери. Однако тут же думалось, что нельзя ведь не любить своего ребенка, а значит, когда он появится, все случится само собой – и любовь придет, и нежность.

И однажды это действительно случилось – Ива увидела на тесте две полоски. Самым неожиданным стала ее реакция на это – она вдруг испугалась до ужаса, до паники, до холодного пота. Как будто почувствовала в себе не их с Альбертом ребенка, а что-то чуждое, неприятное. Как же так? – билось в мозгу сбивчивое, испуганное. Такого ведь не должно быть, я хочу этого ребенка... И тут же мысль – а хочу ли?..

Она даже не успела сказать ничего Альберту, через несколько дней начались месячные.

После того случая она даже думать не могла больше ни о каких детях. Со сжимающимся сердцем ждала окончания каждого менструального цикла, молила кого-то в душе, что не надо, не нужно так с ней, не для нее это... И просто сказать Альберту, что она передумала и больше не хочет детей, не хватало духу.

Вообще у нее в то время ни на что не хватало ни сил, ни решимости. С работой не получалось, детей не хотела, Альберта терпела. Потом оглядываясь на все это, только удивлялась – для чего жила? Зачем так?

Но это теперь было удивительно, а тогда казалось, что нормальная у нее жизнь. Хороший муж, который всем нравится, дом, машина, развлечения, поездки на отдых за границу – они же с Альбертом пол-Европы объездили, Таиланд, Мальдивы, Арабские Эмираты, уж не говоря о разных Турциях и Египтах, даже в Японии и в Австралии побывали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.